

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ,

в которой будет рассказано о том, как, обуздав мысль, быструю словно конь, и желания, суетливые словно обезьяна, монах избавился наконец от своей оболочки и как, совершив подвиг, он улицезрел живого Будду Татагату

Как только Коу Хун ожил, нашим монахам снова устроили пышные проводы со знаменами и хоругвями, с барабанщиками и музыкантами; монахи-буддисты и монахи-даосы, а также родные и друзья Коу Хуна заняли свои места, и шествие тронулось, но мы об этом рассказывать не будем.

Вернемся к Танскому монаху и его ученикам, которые вышли на большую дорогу. Они на каждом шагу убеждались в том, что обитель Будды на Западе действительно отличается от всех прочих мест, в которых они побывали. Здесь росли диковинные цветы, чудесные травы, старые кипарисы и сосны. Жители все были обращены к добру, и в каждом доме монахам давали приют и пищу. В горах путники встречали людей, занимающихся самоусовершенствованием; в лесах они слышали, как странники читают нараспев священные сутры.

Наставник и его ученики с наступлением темноты останавливались на ночлег, а с рассветом продолжали свой путь. Так прошло еще дней шесть или семь и вдруг перед ними выросли ряды высоких построек и многоярусных теремов. Вот послушайте, как они описаны в стихах:

Громады башен в небеса
Вздываются на сотни чи,
И на узорных кровлях их
Дробятся ясные лучи.
Они вздымаются туда,
Где Хань — Небесная река
Сквозь ледяную пустоту
Течет несчетные века.
С остроконечных их вершин
Увидеть можно, как вдали
Светило, разметав лучи,
Спускается за край земли.
А если с кровли золотой
Поднимешь руку в высоту —

Звезду, летящую с небес,
Шутя, поймаешь на лету!
Вон многоярусных дворцов
Встает величественный ряд,
И словно небо проглотить
Их окна светлые хотят,
А гребень разноцветных крыш
Высоко в поднебесье взмыл,
И задевают облака
За острые концы стропил.
Сто желтых аистов сюда
Приносят вести каждый год,
Когда стареет зелень рощ,
И в мире осень настает,
И птицы пестрые луань
Посланья доставляют в срок,
Едва вечернюю листву
Прохладный тронет ветерок.
Да, наконец то вот они,
Те драгоценные дворцы,
О чьей нетленной красоте
Рассказывают мудрецы,
Те расписные терема
Для праведников и богов,
Подворья из чудесных яшм,
Дворцы из чистых жемчугов!
Здесь, в храмах Истины живой
Святые сходятся толпой,

Про вечный, неизменный Путь
Ведут беседы меж собой,
Отсюда благодатный свет
Во всю вселенную проник,
Распространяя по земле
Сокровища священных книг.
Здесь круглый год свежи цветы,
Как в солнечные дни весны,
Здесь ветви сосен круглый год,
Как после ливня, зелены.
И в изобилие круглый год
Полна густая сень садов
И фиолетовых грибов,
И удивительных плодов.
Прекрасен этот дивный град —
Дворцов и башен стройный ряд,
И стаи фениксов над ним
В бездонных небесах парят:
Их крылья красные горят,
Купаясь в синем хрустале,
И шлют спасительную весть
Всему живому на земле.

Танский наставник поднял свою плетъ и, указывая вдаль, воскликнул:

— У-кун! Смотри, до чего там красиво!

— Наставник! — с укоризной промолвил Сунь У-кун. — Когда всякие оборотни обманывали тебя, воздвигая ложные владения Будды, когда они сами принимали облик Будды, ты воздавал им почести и кланялся до земли, а теперь, когда мы прибыли в настоящую обитель Будды, ты даже не слезаешь с коня!

Услышав эти слова, Танский наставник так сконфузился, что чуть было кубарем не скатился на землю. Приблизившись к воротам многоярусного терема, путники увидели служку, который стоял, прислонившись к воротам.

— Уж не вы ли люди из восточных земель, которые явились сюда за священными книгами?! — воскликнул он

Танский наставник поспешно оправил одежды, и стал внимательно разглядывать служку:

В богатые парчовые одежды
Тот величавый слежка облачен,
И мухобойкой с яшмовою ручкой
Перед собой размахивает он
И судя по одежде, по осанке,
Он служит здесь уже не первый год:
Следит за установленным порядком
И путников встречает у ворот.
С утра своей чудесной мухобойкой
Он пыль сметает с красного крыльца,
Чтоб чистотою вечною сверкали
Ступени заповедного дворца,
А вечером к святым чертогам всходит,
Что высятся на крутизне горы,
И у прудов, на берегах из яшмы,
Бессмертных видит пышные пиры.
Нетленный свиток — список душ великих
Висит на рукаве его всегда,
И ноги в кожу мягкую обуты,
Не оставляют на песке следа.
Движенья, как у истого даоса,
Его легки В одежде золотой

Он поражает каждого невольно
Изяществом своим и красотой.
Святым усердьем он достиг бессмертья
И, от мирской избавясь суеты,
Отныне вечной жизни удостоен
В стране невозмутимой чистоты.
Узнал не сразу наш монах премудрый
Горы Линшань чудесного слугу,
А это был бессмертный Златоглавый,
Живущий здесь — на вечном берегу.

Великий Мудрец Сунь У-кун узнал служку и поспешил сказать о нем своему наставнику:

— Учитель! Это же великий бессмертный, Златоглавый из даосского монастыря Юйчжэнь, расположенного у подножия чудесной горы Линшань. Он явился сюда встретить нас!

Тут только Танский наставник прозрел. Он подошел ближе и совершил приветственный поклон.

— Наконец-то ты прибыл! — рассмеявшись, молвил Златоглавый. — Меня, видимо, обманула Гуаньинь. Лет десять назад Будда повелел ей направиться в восточные земли и найти там человека, который отважился бы пойти за священными книгами. Она сказала мне тогда, что этот человек года через два или три прибудет сюда. С тех пор я из года в год все жду его, но о нем не было ни слуху, ни духу. И вот лишь теперь мы встретились наконец.

— Большое тебе спасибо на добром слове, — воскликнул Танский монах, молитвенно сложив руки. — Я очень благодарен тебе, очень! — повторил он.

Вслед за тем все четверо путников с конем и с поклажей вошли в монастырь. Там они представились бессмертному, каждый в отдельности. Тотчас же было велено подать чай и приготовить трапезу. Кроме того, маленьким послушникам приказали нагреть благовонную воду для омовения, чтобы путники ступали по земле Будды, смыв с себя всю грязь и пыль.

Вот как об этом рассказывается в стихах:

Есть ли в жизни святей
И блаженнее отдохновенье,

Если подвиг окончен
И можно свершить омовенье!
Над своею природой
Отныне ты стал господином
И с небесною истиной
Слился в дыханье едином.
Ныне кончились годы
Бесчисленных тягот и бедствий,
Новой жизни начало
Теперь, просветленный, приветствуй,
Ибо выполнил ты
Девять заповедей сокровенных
И спасенной душой
Трех прибежищ достиг неизменных.
Кончен горестный путь,
Отступили коварные мары —
Здесь, в обители Будды,
Бессильны их злобные чары.
Все невзгоды и беды
Исчезли, как волны туманов,
Можешь смело взглянуть
На подвижников — мудрых шраманов.
Пыль и грязь ты омыл
У порога предвечной святыни,
И к одеждам скитальца
Они не пристанут отныне.
Возвратилась душа
И слилась с изначальной стихией,

И мирские волнения

Не в силах вреда нанести ей!

Пока учитель и ученики умывались, незаметно наступили сумерки. Путники остались отдыхать в монастыре. На следующее утро Танский наставник переоделся, облачился в парчовую рясу, надел на голову монашескую шляпу, взял в руки посох, вошел в зал и стал прощаться с великим бессмертным Златоглавым.

— Вчера ты был в рубище, а сегодня на тебе роскошное одеяние, — засмеялся Златоглавый. — В таком виде ты, право, настоящий сын Будды.

Танский наставник поклонился и уже собрался идти, но Златоглавый остановил его.

— Постой! — сказал он. — Я провожу тебя.

— Я хорошо знаю дорогу, — вмешался Сунь У-кун. — Тебе незачем провожать.

— Ты знаешь дорогу в облаках, — возразил Златоглавый, — а твой праведный наставник еще не знает этой дороги. Ему придется пока идти по земле.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласился Сунь У-кун. — Я хоть и бывал здесь несколько раз, но всегда прилетал и улетал на своем облачке. По земле мне ни разу не приходилось ходить в этих местах. Так что придется побеспокоить тебя и попросить проводить нас. Моему наставнику не терпится скорей поклониться Будде, и он будет счастлив, если ты сделаешь это без промедления.

Златоглавый, продолжая улыбаться, взял Танского монаха за руку и повел его к воротам, ведущим в обитель Будды, которые были сделаны из сандалового дерева. Чтобы попасть туда, надо было пройти средний зал монастыря и выйти через заднюю дверь. Указав на чудесную гору Линшань, Златоглавый сказал:

— Взгляни, какое благовещее сияние всех цветов радуги и благознаменательные пары несколькими слоями покрывают небосклон! Там находится самая высокая вершина, которая называется Дивный кондор. Это и есть священная обитель нашего Будды.

Танский наставник взглянул и тотчас же начал кланяться.

Сунь У-кун засмеялся.

— Наставник! Мы еще не прибыли к месту, где полагается совершать поклонение. Знаешь поговорку: «Хоть гора и видна, но, пока доедешь до нее, конь от усталости свалится». Отсюда еще очень далеко до священного места. Если будешь все время кланяться, сколько же

придется тебе положить земных поклонов, пока доберемся до вершины?

Тут Златоглавый остановился и сказал:

— Ну, праведный монах, теперь ты и твои ученики: Великий Мудрец, полководец звезды Тяньпэн и смотритель Дворцового занавеса, находитесь на благодатной земле. Перед вами чудесная гора Линшань. А я возвращаюсь обратно.

Танский монах поклонился на прощанье и вместе с учениками отправился дальше.

Великий Мудрец Сунь У-кун, как всегда, шел впереди, показывая дорогу. Путники медленно поднимались в гору. Не прошли они и нескольких ли, как увидели перед собой бурный поток, который стремительно нес свои воды. Ширина его была не менее восьми, а то и девяти ли. Вокруг не было ни души. У Танского монаха сердце сжалось от страха.

— У-кун! — произнес он дрожащим голосом. — Должно быть, мы сбились с пути. Неужели великий бессмертный неправильно указал нам дорогу! Как же мы переправимся через эту реку? Гляди, какая она широкая и бурная, да и лодок нигде не видно!

— Нет, мы не сбились с пути, — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Взгляни туда! Видишь большой мост через реку? Надо перейти его, тогда только мы приблизимся к состоянию высшего блаженства!

Они двинулись дальше и, подойдя к мосту, увидели возле него дощечку с надписью из трех иероглифов: «Переправа Заоблачной высоты».

Мост состоял лишь из одного бревна, переброшенного с берега на берег.

Высоко в воздухе повисший,

Качаясь и дрожа слегка,

На перекладину из яшмы

Походит он издалека.

А подойдешь к нему поближе,

Увидишь: это ствол сухой

Дрожит над пенною, бурливой,

Необозримою рекой.

Увы, пройти по этой жерди

Надежду навсегда оставь:

Пожалуй, легче через море

В ненастье перебраться вплавь.

Вон точно радуга цветная

Легла на десять тысяч чжан —

То тень от узенького моста

Сквозь легкий зыблется туман.

Под ним сверкающая лента

На много тысяч сюнь видна,

И чудится: до края света,

Как луч, протянута она.

Да, через этот мост висячий

Пройти не каждому дано:

Качаясь над кипящей бездной,

Лоснится скользкое бревно.

И лишь бессмертные, что могут

Ходить по легким облакам,

Пройдут по этой узкой кромке

К заветным, дальним берегам.

— У-кун! По этому мосту нам не пройти! — пролепетал Танский монах, дрожа от страха. — Давайте поищем другую дорогу.

— Да это и есть самая настоящая дорога! — продолжал посмеиваться Сунь У-кун. — Самая настоящая дорога, — серьезным тоном повторил он.

— Кто же осмелится идти по такой дороге? — опешил Чжу Ба-цзе. — Такая широченная река, да еще с такими бурными волнами, и через нее такой узенький мост. Всего одно бревно, к тому же тонкое и скользкое. Тут и шагу не ступишь.

— Пойдите здесь! — воскликнул Сунь У-кун. — Поглядите, как я сейчас пройду!

Молодчина Сунь У-кун! Он быстро подошел к мосту, вскочил на него, балансируя, мгновенно пробежал на другой берег и оттуда стал махать руками и звать спутников.

— Переходите! Переходите! — кричал он.

Танский наставник в ответ лишь отмахнулся. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн кусали пальцы, твердя: «Тяжеленько!».

Тогда Сунь У-кун перебежал обратно и стал тащить Чжу Ба-цзе:

— Дурень! Идем со мной! Идем!

Чжу Ба-цзе, упираясь, лег на землю.

— Скользко! Скользко! Скользко! — кричал он. — Мне ни за что не пройти. Ты уж уволь меня! Дозволь мне перелететь по воздуху на облачке!

— Ты что же это, — рассердился Сунь У-кун, прижав Чжу Ба-цзе к земле, — не знаешь, где находишься? Неужели ты думаешь, что здесь тебе позволят летать на облаках? Надо пройти по этому мосту, тогда только ты станешь Буддой!

— Брат! Лучше уж мне не быть Буддой. Честно говорю тебе, что мне не пройти через мост!

Они едва не подрались: один тащил, другой упирался, но тут вмешался Ша-сэн и стал уговаривать их. В этот момент Танский монах оглянулся и заметил лодку, которую какой-то человек подгонял к берегу багром.

— На переправу! На переправу! — закричал лодочник.

Танский монах очень обрадовался.

— Братцы! Перестаньте ссориться! — воскликнул он. — Сюда плывет лодка!

Все трое подбежали к берегу и стали глядеть во все глаза. Когда лодка приблизилась, оказалось, что у нее нет днища! Зоркий и проницательный Сунь У-кун своими огненными глазами и золотистыми зрачками еще издали распознал в лодочнике Будду, встречающего праведников, которого называют еще Прославленный Будда, озаренный блеском драгоценных хоругвий. Однако Сунь У-кун решил не говорить об этом и крикнул:

— Подгоняй сюда! Давай ближе!

Вскоре лодка пристала к берегу, и лодочник вновь прокричал:

— А ну, на переправу! На переправу!

Танский монах посмотрел в лодку, и ужас снова обуял его.

— Как же ты берешься перевозить людей на разбитой лодке без днища? — спросил он лодочника.

Лодочник ничуть не смутился.

— Моя лодка, — сказал он и продолжал стихами:

— Была уже тогда известна,

Когда по воле высших сил

Кончался первозданный хаос

И мир в порядок приходил.

И счастлив я, что эта лодка

Досталась во владенье мне,

С тех пор на ней бессменно езжу

По этой бурной быстрине.

Пусть волны пенные вскипают,

Пусть вихрь бушует над рекой —

Ничто поколебать не в силах

Ее устойчивый покой.

Всегда прочна, всегда хранима

Великой благостью небес,

Она плывет легко и плавно

Любым волнам наперерез.

Всех, кто шести порочным сквернам

Не отдал жизнь свою сполна,

К единому Первоначалу

Готова возратить она,
И души праведников чистых
От самых стародавних дней
Уж много тысяч калп спокойно
Переправляются на ней.
Конечно, смертному простому
Решиться трудно, может быть,
На лодке с выломанным днищем
Пучину эту переплыть,
И все ж бесчисленные души
К спасительному рубежу
На этой лодке несравненной
Я с древних лет перевожу.

Великий Мудрец Сунь У-кун сложил руки ладонями вместе и поклонился лодочнику:

— Благодарю тебя за доброе намерение перевезти моего наставника, — сказал он и обратился к Танскому монаху: — Ну, садись в лодку, наставник! В ней хоть и нет днища, зато она устойчива; даже в самую сильную бурю ее не опрокинет.

Но наставник все еще колебался. Тогда Сунь У-кун схватил его за плечо и втолкнул в лодку. Сюань-цзан не удержался на ногах и кубарем полетел в воду. Лодочник словно предвидел это: он подхватил Танского монаха и поставил его на ноги. Танский монах отряхнул свои одежды, потопал ногами, чтобы выжать воду из башмаков, и начал бранить Сунь У-куна, но тот не слушал его. Он втащил в лодку Ша-сэна и Чжу Ба-цзе, ввел коня, внес поклажу, а затем и сам полез в лодку. Все они встали на корме. Будда легко оттолкнул лодку от берега, и все увидели, что выше их по течению плывет труп. Танский наставник перепугался.

— Не бойся! — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Это ведь твое брненное тело.

— Да, это твое тело, твое! — подтвердил Чжу Ба-цзе.

Ша-сэн, всплеснув руками, воскликнул:

— Это ты! Это ты!

Лодочник, ударив багром по воде, сказал то же самое:

— Это ты! Поздравляю тебя! Поздравляю! — добавил он.

Ученики Танского наставника тоже стали приносить ему свои поздравления.

Между тем лодка, гонимая багром, спокойно переплыла бурный поток у переправы Заоблачной высоты. Танский монах повернулся и с необыкновенной легкостью спрыгнул на берег.

Обо всем этом рассказывается в стихах:

Так от бранных телес —

От костей и от мяса — избавлен

Был почтенный монах,

Через грозный поток переправлен,

И душа непорочная

Там, у святого причала,

С той минуты повсюду

Родной и желанною стала.

Так достойно закончился

Подвиг его добровольный:

Новым Буддою стал

В это утро монах богомольный,

И, на дивном челне

Переплыв через бурные воды,

Все мирские грехи

Здесь омыл он за многие годы.

В том, о чем мы здесь рассказали, по правде говоря, заключается величайшая мудрость и указан способ, как переправиться на тот берег, где царит беспредельное блаженство.

Взобравшись на берег, четверо путников оглянулись: лодка без дна бесследно исчезла. Только тогда Сунь У-кун сказал, что лодочником был сам Будда, встречающий праведников, и

Танский монах понял наконец, что произошло. Он стремительно обернулся и поблагодарил своих учеников.

— Зачем благодарить? — сказал Сунь У-кун. — Мы ведь все время помогаем друг другу. Мы трое благодаря тебе, наш учитель, занялись усовершенствованием и получили настоящее перерождение. Ты же, пользуясь нашей защитой, неуклонно исповедовал ученье Будды, и теперь, к нашей радости, избавился от брэнного тела. Взгляни, какие здесь растут цветы, травы, сосны и бамбуки! Посмотри на эту дивную страну, в которой летают чудесные птицы луань, фениксы и аисты, пасутся прекрасные олени. Скажи, где лучше: там, где оборотни и злые духи выдавали себя за Будд, или же здесь? Теперь ты сам можешь разобраться в том, что такое добро и что такое зло!

Однако Танский монах, не переставая, благодарил своих учеников.

Теперь наши путники с необычайной легкостью быстро поднимались по чудесной горе Линшань. Еще издали они увидели замечательный древний монастырь, в котором находился храм Раскатов грома.

Блнстаёт на горе чудесной
Храм ослепительного Будды,
Уж много тысяч лет стоит он,
Вонзаясь в солнечную высь.
Отрог святой горы Сумеру —
Его извечное подножье,
Высоко, до реки Небесной,
Его вершины вознеслись.
Рядами пиков необычных
Украшена гора святая,
Ее причудливые камни
И разноцветны и чисты,
А на бесчисленных уступах,
Под каждою скалою отвесной
Растут диковинные травы,
Цветут нетленные цветы.
Взбираясь на крутые склоны,

Извилистые вьются тропы,
Все выше путника уводят
За облачные рубежи,
А возле троп цветы пестреют
Густых ятрышников душистых,
Растут, расцветкой поражая,
Грибы чудесные цзычжи.
Вон стаи обезьян резвятся,
Ручных, смышленных, необычных,
Играют в персиковых рощах
Среди невянущей весны,
Плоды срывают наливные,
Свящиеся алым блеском,
Как будто слитки золотые,
Что на огне раскалены.
Вон белоснежные, большие,
Летают аисты над рощей,
Садятся на седые сосны,
Перекликаясь меж собой,
Стоймя на ветках застывают
И, словно стройные фигуры
Из белой драгоценной яшмы,
Сияют в дымке голубой.
Вон в разноцветном оперенье,
Всегда дружны и неразлучны,
Кружатся парами в лазури
Святые фениксы-гонцы,
Они летят навстречу солнцу,

И, миру счастье обещая,
По Поднебесной их напевы
Разносятся во все концы.
Вон в темно-синем оперенье
Друг перед другом неподвижно
Уселись парами луани
На острой каменной гряде,
Но чуть повеет легкий ветер,
Вмиг встрепенутся и запляшут —
На всей земле такие птицы
Тебе не встретятся нигде.
А как стройны, как величавы
Дворцы, и терема, и башни,
Что вереницей окаймляют
Священную гору Линшань:
Их желто-огненные кровли
Блестят златою черепицей,
И парами венчают гребень
Лепные утки юань-ян.
Как сказочно великолепны
Их неприступные твердыни,
Как ярко стены отражают
С небес летящие лучи, —
То, словно чистые агаты,
Их снизу доверху устлали
Покрытые цветной глазурью
Сверкающие кирпичи.
Отсюда на восток посмотришь —

Увидишь кровли золотые,
Отсюда поглядишь на запад —
Увидишь зданий стройный ряд:
То разноцветные хоромы
Грядую сдвинулись вплотную,
И, словно радуга, на солнце
Дворцы жемчужные горят.
Отсюда поглядишь на север —
Увидишь блеск несчетных окон,
Отсюда к югу обернешься —
Увидишь тысячи твердынь:
То бесконечной чередой
Сверкают терема цветные,
Крутые башни громоздятся,
Врезаясь в пламенную синь.
А над величественным храмом
Хранителей ученья Будды
Стоит высокое сиянье,
Как вечный солнечный восход,
И перед залом светозарным
Святых хранителей ученья
Пунцовое, витое пламя
Фонтаном огнецветным бьет.
Сияют пагоды, струится
Благоухание смоковниц,
Прекрасен этот край, — от неба
Его не сразу
И облака в бездонной выси

Плывут легко и беззаботно,
И словно бесконечен полдень
Над гребнем островерхих крыш.
Заботы и грехи мирские
Сюда вовек не достигают,
Здесь власть свою теряют судьбы
И нерушима благодать
Блещет на горе чудесной
Храм ослепительного Будды,
Уж сотни сотен калп стоит он
И вечно будет здесь стоять.

Учитель и его ученики спокойно и беззаботно взойшли на самую вершину чудесной горы Линшань. В ярко-зеленой сосновой роще они увидели выстроившихся в ряд набожных мирянок-упасика, а под изумрудными кущами кипарисов — верующих мирян-упанов. Наставник приветствовал их монашескими поклонами и привел всех этих мирян, а также монахов-бикшу и монахинь-бикшуню в такое смятение, что все они молитвенно сложили руки и начали просить:

— Не кланяйся нам, праведный монах! Лучше приходи побеседовать с нами после того, как увидишься с Муни.

— Об этом еще рано говорить, — воскликнул Сунь У-кун и, улыбаясь, добавил: — Пока что мы идем поклониться ему!

Танский монах, ощущая необыкновенный прилив сил, шел за Сунь У-куном прямо в храм Раскатов грома. Там навстречу им выступили четыре хранителя Будды — махарачжи.

— Это ты, праведный монах, явился? — спросили они.

Танский наставник учтиво поклонился.

— Да, это я, смиренный Сюань-цзан, — отвечал он и хотел было войти в ворота, но хранители Будды остановили его.

— Обожди немного, праведный монах, — сказали они. — Дозволь нам прежде доложить о тебе.

Один из хранителей у первых ворот направился к четырем хранителям у вторых ворот и сообщил им о прибытии Танского монаха. Тогда один из хранителей Будды у вторых ворот передал эту весть хранителям Будды у третьих ворот, где, собственно говоря, находились благочестивые монахи, прислуживавшие Будде. Узнав, что прибыл Танский монах, они поспешили в храм Будды и доложили досточтимому Татагате Сакья-муни:

— К тебе, на твою драгоценную гору прибыл за священными книгами праведный монах Танского двора! — возвестили они.

Досточтимый Будда очень обрадовался и тотчас же призвал к себе восемь бодисатв, четырех хранителей-махарачжей, пятьсот архатов, три тысячи подвижников, постигших учение Будды, духов — правителей одиннадцати светил и восемнадцать духов — хранителей кумирен. Он расставил их в два ряда лицом друг к другу и после этого повелел пригласить Танского монаха. Повеление Будды передавалось от ворот к воротам. Наконец оно дошло до самых последних ворот.

— Просим Танского монаха пожаловать! — раздался голос.

Сюань-цзан благоговейно вошел в ворота монастыря в сопровождении Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые вели коня и несли поклажу.

По этому случаю сложены следующие стихи:

В том памятном году далеком,

Душою к Истине влеком,

Он рьяно принял назначение

Быть государевым послом.

Взял грамоту из рук владыки,

Простился, из цветных палат

Сошел по яшмовым ступеням

И в путь пустился на закат.

Не раз прохладными утрами,

На запад обращая взор,

Он шел сквозь росы и туманы

По кручам неприступных гор,

А в сумерки, ложась устало

На выступе холодных скал,
Покрытый мглой и облаками,
Сном беспокойным засыпал.
Блюдя монашество сурово
И предан Истине навек,
Он пересек в пути далеком
Три тысячи бурливых рек,
Простым, безвестным пилигримом
Шел к рубежам святой земли
Через бесчисленные горы,
Тянувшиеся сотни ли.
Все помыслы и все желанья,
Упорство всех душевных сил
К высокому перерождению
Он, непреклонный, устремил.
И наконец сегодня утром,
Войдя в тысячесветный зал
Пред вечным Буддой Татагатой
Святым просителем предстал.

Все четверо путников, подойдя к престолу Будды, пали ниц, совершили земные поклоны, после чего стали раскланиваться налево и направо с приближенными Будды, каждому отвешивая по три поклона. Затем Танский монах, не поднимаясь с колен, вручил Будде свою подорожную.

Будда внимательно просмотрел ее и вернул обратно. Совершив поклон, положенный для послов, Танский наставник начал рассказывать:

— Я — Сюань-цзан, твой смиренный ученик, прибыл к тебе, обитающему на сей драгоценной горе, по повелению императора великого Танского государства, расположенного в восточных землях, чтобы поклониться тебе и попросить книги твоего священного учения на благо всем живым существам. Молю тебя, Будда прародитель, яви свою милость и пожалуй мне эти книги, дабы я смог скорее вернуться на родину!

Тогда Будда открыл свои уста и, обращаясь к Сюань-цзану, молвил:

— Восточные земли, о которых ты говоришь, расположены на острове Наньшаньбучжоу. Там изобилие плодов земных, да и людей очень много. Но среди них немало стяжателей, убийц, прелюбодеев, лжецов, обманщиков и обидчиков. У вас там не соблюдают учения Будды, не устремляют сердца свои к добру, не почитают трех источников света, не ценят пять злаков. К старшим и родителям не проявляют преданности и почитания, не знают чувства долга и человечности, идут против совести, обсчитывают и обвешивают, убивают, совершают грехи, творят зло, и за все это в конце концов приходит возмездие. Из-за этого на земле происходят бедствия, какие бывают только в аду. Вот почему многих жителей вашей страны ждет вечная кара в Подземном царстве, где им придется переносить всевозможные нестерпимые мучения: их будут сверлить, толочь, сдирать с них кожу и размалывать кости, они превратятся в домашних животных; у них отрастет густая шерсть на теле, на голове вырастут рога, они будут продаваться в рабство за свои долги, будут кормить людей своим же мясом. Их ввергнут на веки вечные в Преисподнюю Аби, из которой они уже никогда не смогут вырваться и вновь переродиться в высшие существа. И все по той же причине. Хотя и был у вас некто из рода Кун, создавший учение о человечности и справедливости, о вежливости и благоразумии, но ваши правители и государи ввели законы и казни; они ссылали на каторгу, вешали, отрубали голову, а люди по-прежнему остались неразумными глупцами, и ведут разнузданный образ жизни! Здесь у меня собраны три свода священных книг — «Трипитака». В них сказано, как избавиться от бедствий и грехов. В «Трипитаку» входят: свод священных книг о законах Будды, где говорится о жизни на небесах; другой свод с рассуждениями о Будде, там говорится о жизни на земле, и третий свод — каноны, в которых содержатся поучения о спасении душ умерших. Всего насчитывается тридцать пять названий книг, состоящих в общей сложности из пятнадцати тысяч ста сорока четырех тетрадей. Эти книги указывают кратчайший путь к тому, чтобы стать праведником. Они являются как бы вратами в царство подлинного добра. В них записано все, что известно о небесных светилах, об устройстве земли, о людях и вещах, о птицах и зверях, о цветах и деревьях, о посуде и утвари и о людских делах. Ты со своими учениками прибыл издалека, — продолжал он, — и я охотно даю все эти книги, чтобы ты их взял с собою, но предупреждаю тебя, что люди твоей страны неразумны и невежественны. Они издеваются над верными словами учения, не понимают сокровенного смысла слов наших подвижников-шраманов, которые проповедуют наше учение.

Он тут же подозвал своих учеников:

— Ано! Цзяшэ! — сказал им Будда. — Проводите этих четверых монахов в Жемчужный терем, там внизу сперва накормите их, а затем откройте Драгоценную палату, отберите по несколько экземпляров тетрадей из тридцати пяти священных книг моего собрания «Трипитака», дайте им, — пусть они распространят их в восточных землях. И пусть на эти земли снизойдет мое благословение.

Оба досточтимых ученика Будды, выполняя повеление своего учителя, повели четверых путников к указанному терему.

Невозможно было налюбоваться замечательными богатствами и редчайшими драгоценностями, которые были выставлены там в нескончаемом количестве. Устройством трапезы занялись бесплотные святые духи, причем они подали блюда, состоящие сплошь из разных волшебных яств, закусок и плодов. Никакие земные яства не могли сравниться с ними!

Что за вкус! Что за аромат! Нигде ничего подобного не видели люди на грешной земле!

Танский монах и его ученики поклонились до земли и принялись за еду. Каждый ел все, что ему хотелось.

Об этом тоже рассказано в стихах.

Золотые огни,

К небесам, словно крылья, скользя,

В драгоценных светильниках

Блеском слепили глаза.

Но еще драгоценней

Казались в лучах их цветных

Нежный запах и вкус

Удивительных яств неземных.

В этих тысячеярусных,

Огненных залах дворца

И сокровищ не счесть,

И богатствам не видно конца.

И небесная музыка,

Слух улаждая земной,

Наполняет хоромы

Певучей, прозрачной волной.

А подобных приправ

И гарниров из нежных цветов

Не доводится смертным

Увидеть во веки веков.

Этот чай ароматный

И тысячи сладостных блюд

Всем вкушающим их

Долголетье и счастье дают.

Было много страданий,

Был долог мучительный путь,

Но, свершившим свой подвиг,

Настала пора отдохнуть,

И за трапезой пышной

Впервые за многие дни

Наслаждаться покоем

И роскошью могут они!

Яства прились по вкусу Чжу Ба-цзе, да и Ша-сэну очень понравились. Они съели до конца эти чудесные яства, от которых все, находящиеся в обители Будды, обретают долголетие и освобождаются от брэнной оболочки.

Двое досточтимых учеников Будды ухаживали за нашими путниками и развлекали их беседой, пока они ели, после чего, открыв двери в Драгоценную палату, ввели их туда. Сияние зари и благовещие пары наполняли всю палату сверху донизу. Везде клубились благовещие пары разных цветов и окрасок, расстилающиеся по всем направлениям. На поставцах для священных книг и на наружных крышках драгоценных ларей были наклеены красные ярлыки, а на них четким почерком написаны названия книг и количество тетрадей.

Священная книга о нирване — 748 тетрадей

Священная книга о бодисатвах — 1021 тетрадь

Сокровенная книга о призрачности и пустоте — 400 тетрадей

Священная книга о строгих запретах Бодидармы — 110 тетрадей

Священная книга о милосердии — 50 тетрадей

Священная книга о решимости — 140 тетрадей

Священная книга о драгоценных сокровищах — 45 тетрадей

Священная книга для приступающих к учению Будды — 500 тетрадей

Священная книга о правилах созерцания истинного и неизменного — 90 тетрадей

Священная книга о нравственном усовершенствовании — 916 тетрадей

Священная книга о великом светлом вразумлении — 300 тетрадей

Священная книга обо всем еще небывалом — 1110 тетрадей

Священная книга о бодисатве, отличившемся духовной чистотой — 170 тетрадей

Священная книга по-иному трактующая три учения раскольников — 270 тетрадей

Священная книга о приобретении качества алмаза — 100 тетрадей

Священная книга об истинном учении Будды — 120 тетрадей

Священная книга о пяти драконах — 32 тетради

Священная книга о заповедях для бодисатв — 116 тетрадей

Священная книга о великих вселенских соборах — 130 тетрадей

Священная книга про кита «Моцзе» — 350 тетрадей

Священная книга про цветок Будды — 100 тетрадей

Священная книга об йогах — 100 тетрадей

Священная книга о драгоценном постоянстве — 220 тетрадей

Священная книга о Западном небе — 130 тетрадей

Священная книга о монашеском благочестии — 157 тетрадей

Священная книга о стране Будды — 1950 тетрадей

Священная книга, поднимающая веру — 1000 тетрадей

Священная книга о соразмерности благоразумия — 1800 тетрадей

Священная книга о драгоценном величии — 1280 тетрадей

Священная книга о данной палате — 850 тетрадей

Священная книга о песнопениях и украшениях храмов — 200 тетрадей

Священная книга о великом павлине (райской птице) — 220 тетрадей

Священная книга «Вичжнана» — 100 тетрадей

Священная книга о жилье и утвари — 200 тетрадей

Показав Танскому монаху все названия священных книг, Ано и Цзяшэ обратились к нему с вопросом:

— Какие же дары ты привез нам из восточных земель, праведный монах? Покажи нам скорей, и мы дадим тебе священные книги.

— У меня, смиренного монаха, совершившего столь дальний путь, ничего ценного с собою нет,

— с неприятным изумлением ответил Танский монах.

Оба достойных ученика улыбнулись.

— Ладно, ладно, ладно! — иронически проговорили они с усмешкой. — Кто с пустыми руками собирается распространять священные книги по всему свету, тот обрекает своих потомков на голодную смерть!

Сунь У-кун заметил их кривую усмешку и, догадавшись, что они не собираются отдавать священные книги, не сдержался.

— Наставник! Пойдем к Будде Татагате и пожалуемся ему! — громко воскликнул он. — Пусть он сам явится сюда и передаст книги мне.

— Не кричи и не злобствуй! — остановил его Ано. — Забыл, где находишься? Иди сюда и принимай книги!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн скрепя сердце уговорили Сунь У-куна сдержаться и начали принимать книги. Они связывали их в узлы, тетрадь за тетрадью, навьючили коня до отказа и сверх того еще набрали узлы на два полных коромысла, которые понесли Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Явившись к драгоценному престолу, монахи совершили земные поклоны, поблагодарили Будду Татагату и направились к выходу. Встречаясь с другими Буддами и бодисатвами, они кланялись каждому не менее двух раз.

Наконец, дойдя до главных ворот, они распростились со всеми монахами-бикшу, монахинями-бикшунями, с набожными мирянами-упасиками и мирянами-упанами, спустились с горы и, выйдя на дорогу, отправились в обратный путь. На этом мы и расстанемся с ними.

Вернемся теперь в Драгоценную палату. Там находился еще один уважаемый Будда, прозванный Фонарщиком, который, подслушав украдкой, что произошло при передаче священных книг, сразу все понял. Оказывается, Ано и Цзяшэ отдали книги, в которых не было ни одного иероглифа. Усмехнувшись про себя, он подумал: «Монахи из восточных земель глупы и неразумны, они не разобрались, что им дали книги без иероглифов. Как бы не получилось так, что Танский монах зря совершил столь трудное и долгое путешествие!».

— Есть ли кто-нибудь здесь? — громко спросил Фонарщик. Тотчас же показался досточтимый бодисатва Храбрости Бо-сюн.

— Ну-ка, наберись грозного величия! — велел ему уважаемый Будда-фонарщик. — Со скоростью метеора догони Танского монаха и отними у него священные книги. В них нет ни единого иероглифа. Пусть он еще раз явится и попросит настоящие книги, с письменами.

Бодисатва Храбрости тут же вцепился в порыв буйного ветра и умчался за пределы храма

Раскатов грома, приняв самый грозный вид, на какой только был способен.

Буйный ветер был настолько замечателен, что про него даже сложены стихи:

У Будды много храбрых слуг,
Но подает им всем пример
Своею мощью грозовой
Дух ветра буйного — Сунь-эр.
Его разгневанный порыв
Страшней взбесившихся коней,
А несравненный аромат
Дыханья девушки нежней.
Такой пронесся дикий вихрь,
Что реки хлынули назад,
И рыбы ринулись на дно —
Найти убежище спешат.
Такой пронесся шумный шквал,
Что грозные драконы гор
О скалы бьются наугад,
Не находя знакомых нор.
Вон стая обезьян ручных,
С плодами торопясь домой,
Никак дороги не найдет,
Застигнутая бурной тьмой.
Вон желтых аистов семью
Свирепый смерч относит вспять,
И тщетно силятся они
Родные гнезда отыскать.
Багряных фениксов умолк

Звонящий, радостный напев,
Лишь буря в небесах свистит
И крутится, рассвирепев,
А золотого петушка
Звучит надрывно вещей крик,
Раскатам вторя грозовым
И не смолкая ни на миг.
Там сучья сосен вековых
Ломают ветер на лету,
Здесь кружит вихрем лепестки
И рвет смоковницы в цвету,
Одним порывом до земли
Бамбук сгибает молодой,
Качает лотос золотой
Над взбаламученной водой.
Чуть слышный звон колоколов,
Едва струившийся вдали,
Теперь по ветру разнесло
На три десятка сотен ли,
А звуки сладостных псалмов
И чтение священных книг,
Подъяты вихревой рукой,
Взлетели к небу напрямик.
Под тяжким выступом скалы,
Что над расселиной висит,
Необычайные цветы
Утратили свой прежний вид,
И у дороги полевой,

Что змейкой тянется вдали,
Густые всходы дивных трав
Ничком на землю прилегли.
Врасплох застигнуты грозой,
Олени белые дрожат,
От злого ветра за скалой
Найти спасение спешат,
И птицы пестрые луань,
Попав в кружащуюся муть,
По ветру носятся, как пух,
Не в силах крылья развернуть.
А дивный запах между тем
Волной незримых покрывал
По поднебесью разлился
И всю вселенную объял,
И освежающий порыв
Пронесся над землей стремглав,
В разъяснившихся небесах
Густые тучи разогнав.

Танский монах, застигнутый сильным ветром, вдруг ощутил приятный аромат, в котором сразу же узнал благое знамение Будды, а потому не предпринял никаких мер предосторожности. Но вот раздался резкий звук, и с неба протянулась исполинская рука, которая с необычайной легкостью сняла навьюченные на коня узлы со священными книгами. От испуга Танский монах начал бить себя в грудь кулаками и закричал не своим голосом. Чжу Ба-цзе кинулся догонять узлы, Ша-сэн решил охранять свои узлы на коромысле, а Сунь У-кун словно на крыльях погнался за похитителем. Бодисатва Храбрости заметил, что Сунь У-кун нагоняет его, и сбросил похищенные узлы на землю, так как побоялся, что посох, у которого не было глаз, мог бы сослепу поранить его. Узлы с книгами упали прямо в пыль. Сунь У-кун видел, как их клочья разлетались по ветру. Он прижал книзу край своего облачка и стал спасать книги. Тут бодисатва остановил ветер и отправился с докладом к Будде-фонарщику. Однако об этом мы рассказывать не будем.

Чжу Ба-цзе погнался за похитителем. Увидев, что священные книги упали на землю, он вместе

с Сунь У-куном подобрал их, взвалил на спину и отнес Танскому монаху. Тот, обливаясь слезами, горестно воскликнул:

— Братцы! Оказывается, даже здесь, в обители Предельного блаженства, водятся злые дьяволы-мары, причиняющие вред людям!

В это время Ша-сэн развернул одну из тетрадей: в ней были одни лишь белоснежные листы бумаги без малейших следов письменных знаков на них. Тогда он поспешно передал тетради Танскому монаху:

— Учитель, взгляни-ка! В этой тетради нет ни одного иероглифа!

Сунь У-кун раскрыл другую тетрадь, оказалось, что и в ней одни чистые листы. Наконец и Чжу Ба-цзе открыл одну из тетрадей, но и в ней не оказалось никаких письменных знаков.

— Пересмотрите все книги! — велел Танский монах.

Все тетради оказались чистыми листами бумаги.

Убитый горем Танский монах начал охать и ахать:

— Видно, жителям наших восточных земель не дано счастья! — удрученно произнес он. — К чему нам эти пустые книги, без единого знака? Как же я осмелюсь предстать перед Танским императором? Ведь тот, кто обманет государя, не заслуживает никакого снисхождения!

Однако Сунь У-кун, сразу смекнувший, в чем дело, утешил своего наставника:

— Наставник! — сказал он. — Все это проделки Ано и Цзяшэ, ну и негодяи! Мы не дали им подарков, вот они и подшутили над нами. Давайте вернемся обратно и пожалуемся на них самому Будде Татагате. Пусть накажет их за лихоимство.

— Правильно! Правильно! — заорал Чжу Ба-цзе. — Идемте, пожалуемся на них!

Все четверо стремительно повернули обратно и, не чуя ног под собою, поспешно направились в храм Раскатов грома. Вскоре они очутились перед воротами храма. Привратники, сложив ладони, приветливо встретили их.

— Должно быть, вы вернулись обменять книги, праведные монахи? — с улыбкой спросили они.

Танский наставник кивнул в ответ головой и выразил им благодарность за внимание.

Хранители Будды не стали чинить никаких препятствий и пропустили путников в обитель Будды. Они направились прямо к его храму.

— Будда Татагата! — воскликнул Сунь У-кун громким голосом, когда они предстали перед престолом. — Нам пришлось перенести десятки тысяч страданий от злых дьяволов-мар, которые жалили нас своими ядовитыми жалами, прежде чем мы прибыли из восточных земель в твою обитель, чтобы ныне поклониться тебе. Ты удостоил нас своим вниманием и приказал выдать нам священные книги, чтобы мы распространили их в восточных землях, но твои ученики Ано и Цзяшэ ослушались тебя, потребовали от нас дары и, не получив ничего, пошли на преступление: они нарочно выдали нам книги с белыми листами без письменных знаков, которые нам не нужны. Просим тебя, Будда Татагата, накажи их за это!

Будда в ответ только рассмеялся.

— Не надо шуметь! — мягко сказал он. — О том, что они просили у вас подарки, я знаю. Имейте в виду, что к священным книгам нельзя относиться пренебрежительно, нельзя взять их так просто, ничего не дав взамен. Как-то раз был такой случай. Толпа праведных монахов-бикшу спустилась с нашей горы с этими священными книгами в княжество Шравасты к одному богатому благотворителю по фамилии Чжао. Они прочли ему все книги, и все его домочадцы обрели спокойствие и безопасность, а умершие избавились от перерождений. За все это монахи потребовали с него всего лишь три доу и три шэна чистого золота в крупицах. Когда они вернулись, я еще пожурил их и сказал, что они продешевили; их будущим потомкам, сыновьям и внукам не останется денег на расходы. Поскольку вы с пустыми руками явились за священными книгами, вам и выдали пустые тетради с белыми листами. Впрочем, священные книги с белыми листами, без письменных знаков, как раз и есть самые что ни на есть настоящие и верные книги! Но так как в ваших восточных землях живые существа глупы и суеверны, они ничего не поймут в них. Вы сможете распространять книги только с письменными знаками.

— Тут Будда позвал: — Ано! Цзяшэ! Живо отберите из верных книг с письменными знаками по несколько тетрадей из каждого раздела и дайте им, а затем явитесь сюда и доложите точно, сколько книг вы отобрали.

Двое досточтимых учеников Будды снова повели четырех путников в Жемчужный терем и у входа в Драгоценную палату снова попросили подарки у Танского монаха. У того не было при себе ничего такого, что представляло бы ценность. Тогда он велел Ша-сэну достать патру из червонного золота и поднес ее обеими руками:

— Я, ваш смиренный брат, в самом деле ничего не имею, так как совершил этот далекий путь в холоде и нужде. Никаких подарков я для вас не приготовил. Эту патру пожаловал мне собственноручно сам Танский император и велел собирать в нее подаяния. Только ее я и могу преподнести вам, чтобы хоть как-нибудь выразить свою сердечную признательность. Молю вас принять пока сей скромный дар, а когда мы вернемся на родину, я доложу Танскому государю, и он непременно отблагодарит вас со всей щедростью. Прошу вас только дать нам книги с письменами, чтобы не обмануть надежды государя, пославшего меня сюда, и чтобы не оказались напрасными все мучения, перенесенные мною в столь далеком пути.

Ано с легкой усмешкой принял патру. Все служители: силачи-стражники, охраняющие Жемчужный терем, повара с монастырской кухни, досточтимые старцы, ухаживающие за книгами в Драгоценной палате, — стали переглядываться, пересмеиваться, подталкивать друг друга, прищелкивать пальцами и презрительно усмехаться.

Затем они стали стыдить Ано:

— Неужели тебе не стыдно? Люди пришли за священными книгами, а ты требуешь у них подарки!

Ано даже поморщился от стыда, но патру все же не вернул и крепко держал в руке.

Цзяшэ вошел в Драгоценную палату и принялся отбирать книги. Каждую книгу он показывал Танскому наставнику.

— Братцы! — крикнул Сюань-цзан. — Вы тоже хорошенько глядите, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Все трое учеников начали передавать из рук в руки по одной тетради, перелистывая каждую, но теперь все они были с письменами. Всего наши путники получили пять тысяч сорок восемь тетрадей — словом, полный свод книг. Они аккуратно сложили их, навьючили на коня, и еще осталось книг на одно коромысло. Эти книги понес Чжу Ба-цзе. Ша-сэн взвалил на плечи коромысло с поклажей, Сунь У-кун повел коня, а Танский наставник взял в руки посох, поправил свою монашескую шапку, оправил на себе парчовую рясу и отправился, радостный и довольный, к Будде Татагате.

Об этом рассказывается в стихах:

Как сладок и приятен запах,

Что поднимается волной

От книг священной «Трипитаки»,

От каждой строчки неземной.

Недаром с тщанием великим,

Достойным всяческих похвал,

Пресветлый Будда Татагата

Их сам веками создавал.

Пусть все узнают, сколько муки

Терпел священный Сюань-цзан,

Взбираясь на крутые горы,
Пересекая много стран.
Но стоит также посмеяться
И над обманщиком Ано:
К деньгам постыдное стремление
В нем было разоблачено.
Да если б не Фонарщик Будда,
Не посланный вдогонку шквал,
Об этой недостойной шутке
Никто бы долго не узнал.
Когда же был вручен монаху
Книг настоящих полный свод,
Душой впервые успокоясь,
Он вновь пустился на восход.
С тех пор по этим дивным книгам,
Наград не требуя за труд,
Монахи всех земель восточных
Святую проповедь ведут,
И Будды верное ученье,
Людские души просветля,
Нас благодатью окропляет,
Как дождь — пшеничные поля.

Ано и Цзяшэ повели Танского наставника к Будде Татагате, который восседал на своем престоле, устроенном в виде цветка лотоса. Увидев Танского наставника, он дал знак двум великим архатам, покорителю Драконов и усмирителю Тигров, разом ударить в многоголосые била, звуки которых собрали со всех мест три тысячи Будд, три тысячи подвижников, вникших в учение Будды, восемь хранителей махарачжей, четырех бодисатв, пятьсот архатов, восемьсот монахов-бикшу, верующих мирянупанов и монахинь-бикшунь, набожных мирянок-упасик, праведных монахов-отшельников и духов-небожителей из разных небесных сфер. Тем, кому положено было сидеть в присутствии верховного Будды, предложили занять места около его трона, а тех, кому полагалось стоять, поставили в два ряда по бокам от трона. Спустя немного времени раздались звуки небесной музыки, и волшебное эхо разнесло их ясное звучание по

всем весям, небо вдруг озарилось благовещим сиянием, благодатные пары стали подниматься клубами. Это означало, что все Будды собрались вместе и предстали перед Буддой Татагатой.

— Ано и Цзяшэ, — обратился Будда Татагата к своим ученикам, — сколько священных книг и тетрадей вы передали праведным монахам? Доложите о каждой книге в отдельности.

Оба достойных ученика Будды сразу же принялись докладывать.

— Передано для отправки Танскому императору:

Священная книга о нирване — 748 тетрадей

Священная книга о бодисатвах — 1021 тетрадь

Сокровенная книга о призрачности и пустоте — 400 тетрадей

Священная книга о строгих запретах Бодидармы — 110 тетрадей

Священная книга о милосердии — 50 тетрадей

Священная книга о решимости — 140 тетрадей

Священная книга о драгоценных сокровищах — 45 тетрадей

Священная книга для приступающих к учению Будды — 500 тетрадей

Священная книга о правилах созерцания истинного и неизменного — 90 тетрадей

Священная книга о нравственном усовершенствовании — 916 тетрадей

Священная книга о великом светлом вразумлении — 300 тетрадей

Священная книга обо всем еще небывалом — 1110 тетрадей

Священная книга о бодисатве, отличившемся духовной чистотой — 170 тетрадей

Священная книга по-иному трактующая три учения раскольников — 270 тетрадей

Священная книга о приобретении качества алмаза — 100 тетрадей

Священная книга об истинном учении Будды — 120 тетрадей

Священная книга о пяти драконах — 32 тетради

Священная книга о заповедях для бодисатв — 116 тетрадей

Священная книга о великих вселенских соборах — 130 тетрадей

Священная книга про кита «Моцзе» — 350 тетрадей

Священная книга про цветок Будды — 100 тетрадей

Священная книга об йогах — 100 тетрадей

Священная книга о драгоценном постоянстве — 220 тетрадей

Священная книга о Западном небе — 130 тетрадей

Священная книга о монашеском благочестии — 157 тетрадей

Священная книга о стране Будды — 1950 тетрадей

Священная книга, поднимающая веру — 1000 тетрадей

Священная книга о соразмерности благоразумия — 1800 тетрадей

Священная книга о драгоценном величии — 1280 тетрадей

Священная книга о данной палате — 850 тетрадей

Священная книга о песнопениях и украшениях храмов — 200 тетрадей

Священная книга о великом павлине (райской птице) — 220 тетрадей

Священная книга «Вичжнана» — 100 тетрадей

Священная книга о жилье и утвари — 200 тетрадей

Всего из сокровищницы в тридцать пять священных книг отобрано пять тысяч сорок восемь тетрадей и выдано праведным монахам из восточных земель для распространения и хранения в Танском государстве. Книги эти в полном порядке уложены и навьючены на коня и на коромысло, а сами праведные монахи почтительно дожидаются, когда их примут, чтобы они могли выразить благодарность за оказанную милость.

Танский наставник и его ученики привязали коня, опустили ношу на землю, а сами гуськом направились к престолу Будды, молитвенно сложив руки и почтительно склонившись.

Будда Татагата обратился к Танскому наставнику с напутственными словами:

— Блага, которые принесут эти книги, нельзя измерить никакой мерой. Хотя в них изложено мое учение, но, в сущности, они являются источником всех трех учений. Когда ты прибудешь в свою страну на острове Наньшаньбучжоу, внуши всем жителям, что к священным книгам нельзя относиться пренебрежительно. Ни одну из тетрадей не должно раскрывать, не совершив омовения и воздержания в пище. Пусть ценят их! Дорожат ими! Ибо в этих книгах заключены сокровенные тайны, познав которые можно обрести бессмертие. В них описаны чудесные способы всевозможных превращений!

Танский наставник поблагодарил за милость, стукнулся лбом об пол, крепко запомнил напутствие Будды, затем трижды совершил обряд поклонения, выразил свою искреннюю приверженность к его учению, принял список священных книг и удалился.

О том, как он раскланивался и прощался со всеми праведниками, пока шел к первым воротам монастыря, мы рассказывать не будем.

Распроставшись с Танским наставником, Будда Татагата вскоре отослал всех, кто присутствовал при передаче священных книг.

Вдруг откуда-то появилась Гуаньинь и, сложив руки ладонями вместе, обратилась к Будде.

— Когда-то я получила твое повеление найти человека в восточных землях, который прибыл бы сюда за священными книгами, — сказала Гуаньинь, — ныне этот человек совершил подвиг. Он шел целых четырнадцать лет, что составляет пять тысяч сорок дней. Ему еще недостает восьми дней до того числа, которое соответствует количеству взятых им священных книг. Дозволь мне передать повеление от твоего имени.

— Я вполне с тобой согласен и охотно позволяю тебе распорядиться, — радостно ответил Будда Татагата и тотчас же призвал восемь хранителей махарачжей.

— Наберитесь духу и как можно скорее доставьте праведных монахов на восток, — велела Гуаньинь. — Как только монахи передадут священные книги, тотчас же доставьте их обратно на Запад. Даю вам на это ровно восемь дней, чтобы завершить число, совпадающее с количеством священных книг. Опаздывать нельзя!

Хранители Будды сразу же помчались вдогонку и, нагнав Танского наставника, принялись кричать:

— Эй вы! Получившие священные книги! Следуйте за нами!

У Танского наставника, как и у остальных его спутников, тело было теперь необычайно легким и крепким. Вскочив на облачко, они поднялись высоко в небо и последовали за хранителями Будды.

Вот уж действительно можно сказать про них:

Очистились сердцем,

Познали природу свою,

Верховного Будду

Узрели в блаженном краю,

Свершили свой подвиг

И сразу в небесную высь

С бесценной поклажей

На облачке легком взвились.

О том, как наши путники вернулись в восточные земли со священными книгами Будды, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/290482>